

Михаил ГОРЛОВ

Мысленно...

Мысленно я давно уже написал о Иване Шаповалове – человеке из времен, когда птицу в небо заставляли подниматься по лестнице. Художнике, рожденном с карнавальным восприятием мира. Ветеране подглядывания за карнавалом, которого он (как всякий художник, зарабатывающий своим ремеслом, если не творец или соавтор, то во всяком случае чернорабочий).

Я себя Шаповаловым чищу...

Но, решив занести на бумагу все надуманное и настроившись на “волну” Шаповалова, закономерно ощутил себя мишенью его реплик по поводу еще не записанных мыслей. Шаповалов – мера ранимости, и настроенность на его “волну” обнаруживает несуровности собственных алгоритмов. Памятуя же о том, что из всех “человеков” во мне Иван Афанасьевич просто-таки ненавидит “человека спешащего”, я, чтобы напрочь уничтожить сложившийся план стремительного текста, достаю “коллекцию” различных сортов бумаги и раскладывая в разное время и при разных обстоятельствах подаренные им рисунки, чтобы воздать должное тому, чем я собрался письменно восхититься. И, решившись подчиниться рыжему бесу импровизации в написании статьи, принимаюсь за работу, требующую точного расчета и предельной аккуратности.

***

Талант фланирующий

Иван Афанасьевич Шаповалов прошел через всякое, оставив частицу себя во всех, вероятно, соблазнах мира сего. И, отметившись во многих видах и жанрах искусства жить, в ряде из них стал профессионалом. Талант его обретался между пальмой в кадке и багетной рамой с портретом вождя, отирался о театральную кулису, шлифуясь, патристически свистал в Окнах ТАСС и пригубил в атаке на японца, прежде чем стал равномерно фланировать в широченных брючинах и лаковых штблехтах по Кабардинской в районе незабвенной “Победы” (с джазом перед вечерними сеансами, мороженым в фойе и шампанским в буфете). И цвел (на равных со знаменитостями) веткой сирени в кружке “Жигулевского”, поставленной на Моральный кодекс строителя коммунизма. Фланируя, через плакатную кукурузу и комбайны в разрезе, выбирался к альпинистским лагерям гулять кистью и пером по всему, что можно красить: от коровьих рогов и тел резвящихся маскарарами альпинисток до ни в чем не повинных скал. И теперь вальсом собственного сочинения фланирует по клавишам аккордеона “ROYAL STANDARD”, позванивая четырнадцатую правительственными наградами. Он мог стать тем, а стал этим. “Почти того, кто нас смешил”, – сказал, не помню кто, не помню, о ком. И вспомним слова Брехта: “Признавать только совсем великих – значит ничего не понимать в литературе. Небо с одними лишь звездами первой величины – не небо.

...И вообще дело обстоит не так, будто произведению меньшего гения обязательно чего-то недостает. Сами по себе они могут быть во всем совершенными. Некоторые из менее известных просто не имели времени больше писать или совершенствоваться, им не хватало денег, связей или нервов. Иным не давалось искусство подхалимства, которым так мас-

Ретроспектива Шаповалова

(ФРАГМЕНТЫ ИЗ КНИГИ)

Заседание членов кабинета...

терски владели некоторые великие”. Но не о них речь.

Нетрезвая попытка портрета на деньги, одолженные у Шаповалова же, или как далеко может завестись импровизация
(Стенографическая запись, сделанная на берегу озера, публикуемая далеко не с начала и оборванная задолго до конца).

М.Горлов (несколько раздраженно). Мне понравилась слово “подглядывание”, хотя и не должно было понравиться. Но я тебя прошу: давай поговорим – попробуем написать портрет.

М.Кипов (на мгновение задумавшись). Меж орден, заигрываем и грязью, любовью невоинных и дальних земель... (Далее неразборчиво).

М.Горлов (явно довольный собой). Из черного берета черепа – скелета морского ежа – свисает Иваново тело, в котором живет душа.

М.Кипов (четко). Ногти его конопатые, руки пожившие. М.Горлов (многозначительно). Он ловил лопатой рыбу на Симушире. Понимаешь? Сахалин... Курилы... Морской еж... У него, знаешь, такой панцирь в виде берета, Сверху покрыт иголками (будь он тяжелее, невозможно было бы в руки взять), а внутри нежнейшая уязвимая мякоть плоти.

М.Кипов (все более страстно). Такой нежный. Который никогда без чистого белья на улице не выходит. Дать бы всем правительствам остаться, как Ваха... Я хотел бы на их сорочки посмотреть!

М.Горлов (светлея). Ты видел, как Ваня на велосипеде осенним солнечным утром по центральной аллее парка едет?

М.Кипов (страстно). Да не о том!...

М.Горлов (под звук разливаемой по стаканам жидкости). Нет, ты видел?!

М.Кипов (после некоторой паузы). Видел... Конечно.

М.Горлов (с нарастающим пафосом). Теперь представь его, как он едет. Едет? А теперь уберись велосипед! А он пусть едет! Вот так он прожил! Хотя это, вероятно, опять не портрет.

М.Кипов (явно играя). Самое главное – не зайдешь к нему с затылка, и никому не известно, польсел он или нет. Но я подглядывал с котами, что он даже не лучше нас. И, между прочим, заметил ноготь непромытый, чему я очень обрадовался. И вообще у него рыжие брови, как рога, а ресницы, может, – вовсе не ресницы...

М.Горлов (подыгрывая интонацией). И если талия – самое узкое место туловища, то у Вани она на-

ходится на уровне подмышек. И если дафнию одеть в тесноватый для нее костюм “адидас”, то она будет очень похожа на Шаповалова.

М.Кипов (меланхолически). Зайдешь к нему, слушай, занять на бутылку – такие глаза подледа и... продажности, властности, злобы и скуки... Это я о ком-то другом...

М.Горлов (задумчиво). А все-таки люди – добрейшие существа. Если бы людьми были олени, то Ваню за его рисунки давно бы убили.

М.Кипов (обращаясь к стенографистке). Пиши. Когда в голубые ресницы хлынет рыжий его окоем, о счастье, разбуди меня, как ресницы Вахи! Как будто Темирканов пришел к нему в гости! Но где там! Мухамеда бросила жена. У любовниц всех климакс. И сорочки дарить – значит сорваться...

Все мы под богом ходим

А члены Союза художников Кабардино-Балкарии – еще и под Шаповаловым. Ибо бесстрастная статистика говорит, что персонажами его рисунков наиболее часто являются именно они. Хотя сам он, пусть и Союза журналистов, но тоже член. Чувствуете, как, попав в институт членства,

Юрий Курманавец с семьей в Австралии

названность приобретает человека, превращая его в частицу – членник усика или ножки некоего глобального многоглаза (в нашем случае) функционирующего насекомого, которое, в свою очередь, является всего лишь членом популяции, также присвоенной названностью “Зона Юга”, чем-то еще более обширным и уже необозримым. Так в подсознание закладывается слово – пружина, приводящая в действие механизмы, разрушающие обособленную и самодостаточную целостность художника. Результат проделанной работы саморазрушения и интересует, на наш взгляд, Шаповалова-сатирика. Несоответствие высокому романтическому идеалу художника, творца и интеллигента всех и вся, что он наблюдает вокруг, – это его глубинная тема, упрямая в рассеянной по-мастерски и, увы, утраченной отчасти летописи нашего эндемического. Оценить остроту и точность его изображения может не только знакомый с личностями изображаемых, но достаточно их почувствовавший. Качество работ Шаповалова обусловлено не поверхностным знанием материала. Исходя из сказанного, ценность лучших его работ – цикла о членах Союза художников – может показаться эфемерной. И это отчасти справедливо. Но только отчасти.

***

Человек из футляра

Мне довелось оказаться случайным свидетелем встречи персонажа со своим сатирическим портретом (не считая возможным называть рисунки такого накала и глубины шаржами), относящимся к высшим творческим достижениям Ивана Шаповалова. Человек, конечно же, в футляре. И Шаповалов может доводить, футляр, человека до формулы.

Прием этот при изысканной точности несет у него не только радость узнавания персонажа по присущим ему атрибутам, но позволяет опознать и содержимое по его футляру. Содержимое упрятано в самой изобразительной ткани, поэтому отдельно как бы не существует. И порой это даже мило. К подобному мы все как-то готовы. Но не более чем к этому, видно, и был готов вальжно, без стука, вошедший в мастерскую товарищ Н., до того крупно подгадивший Ивану Афанасьевичу. Преувеличенно бодро, переигрывая бесшабашную развязность, сия знаменитость (“мальчика” вообще при этом не заметив) произносит нечто следующее: “Привет, Шаповалов, ты тут, говорят, на меня шарж нарисовал”. Весь вид деятеля искусств выражает пренебрежительную снисходительность цеха живописцев. И отнюдь не к цеху оформителей, к коему приписан И.А.Шаповалов, а к чему-то вроде окурка в этом презренном цехе, к его непроизводительной и никем не санкционированной деятельности – шаржам Шаповалова, которым, уж он-то знает точно, не бывать на выставках, больших и серьезных, а зональной, членом выставкома которой он имеет счастье быть, и подавно. Но глаза его нашли уже на стене искомое изображение. И пиджак со значком “СХ” на лацкане и подобием лауреатской медали уже поехал назад, шея вытянулась, а из футляра добряка-бодряка полезло изображенное Шаповаловым существо. И с возмущением оскорбленного в его лице Союза художников, его правления и его правительства выдавило из себя: “Шаповалов, сними это...” Иван Афанасьевич пытается смягчить ситуацию анекдотом. Напрасный труд! Персонаж, резко развернувшись, каким-то одним неимоверно длинным шагом выпадает из мастерской, сплевывая на ходу сигарету. И не переступит ее порога уже никогда.

Кот в бане

Среди художников существует мнение, что Шаповалов их подло подглядывает. Я бы сказал – отслеживает. По той же причине, что и кот, случайно попавший в баню. Кот, над которым уже напустились, вдоволь пообрызгав, и о котором почти забыли, вновь вернувшись к полосканию друг друга. А кот отслеживает каждое их движение, передвижение и продвижение в свою сторону, чтобы не быть замоченным или ошпаренным. А нарушившего безопасную дистанцию ждут когти. Но дело в том, что следы когтей нашего кота обладают безусловной ценностью. Это уж надо человеку не в шутку “достать” Шаповалова, чтобы он взорвался метафорой. Все лучшее, что сделано Шаповаловым, находится, на наш взгляд, именно в этом ряду гениальной желчности. Эти рисунки сделаны после точки закипания чувства. Это не игольный душ иконографии Союза со всеми его правителями, их свитами и основными общественными деятелями. И не стрела в бывшего, до поры успеха или должности, своим парнем коллегу. Это страшной силы напора и градуса пар, сдира-

ющий и уносящий с человека все, до сущности. Это его творческие удачи. После них год-два не здороваются, а уж помнят всю жизнь.

внимательнейшим образом наблюдают.

А совсем недавно, после очередного правления, шедшего не менее четырех часов и всех вы-

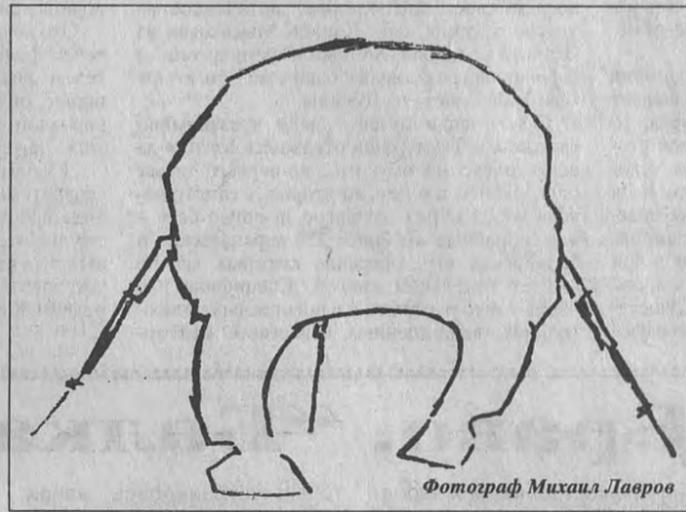

Виктор Орленко

Шаповалов и любовь к животным

Речь пойдет о времени, когда я был для Ивана Афанасьевича малознакомым, только появившимся в Союзе мальчиком. Шапочное знакомство уже состоялось, но не более того. И как-то Шаповалов проявил меня рассказом о науке, а точнее – неподдельно восторженным рассказом о фильме про пауков и искренней, горьковатой интонацией собственных комментариев. Здесь надо сказать, что в детстве я задался целью с помо-

жавшего, выхожу из прокуренного помещения и вижу, что Иван Афанасьевич кошке дворовых прикармливает. Зыется их около пяти – и повяты: очень уж приличная колбаса строгаются Шаповаловым. Я на него смотрю, а он – на меня. И вместо того, чтобы и мне колбаски строгануть, говорит: “Суета все это, ваше правление... Смотрю я на тебя и думаю: на хрена оно тебе нужно, только расстраиваешься. Я вот недавно фильм по “ящичку” смотрел про паука”. И начинает в очередной раз знаменитый свой рассказ, пе-

Фотограф Михаил Лавров

шью цветных фотографий доказать родителям целесообразность разведения в квартире пауков. Для чего и заснял своим “Зенитом” с удлинительными кольцами процесс ловли, убивания и поедания пауком мухи и таракана. Именно поэтому я сразу увидел в дяде Ване родственную душу и стал к нему похаживать.

Полгода спустя на почти слово в слово пересказал мне все тот же научно-популярный фильм, причем не сбиваясь и в своих к нему комментариях; и я про себя пожалел “старика”. А несколько месяцев позже я, про себя же, пожалел и его, и себя. Но в следующий раз, слушая вновь о паучьей жизни, мне было жаль только себя одного.

Не помню, в который раз попал в ту же паутину, зудело во мне желание сообщить собеседнику все, что накипело во мне о паукообразных, но я насилию сдержался. За что он и дал мне год передышки. И тем ослабив мою бдительность, однажды вновь завел привычную фразу: “Ты знаешь, я недавно по “ящичку” фильм видел про паука...” В этот раз я слушал его с определенной долей обреченности и заметил при этом (благо, муха во мне перестала зудеть), что не только я наблюдаю, но и меня

ремежая его репликами: “Скажи, кто ему эскиз и проект делал, а? Вот гениальный конструктор! А вы там рашаете, кто гениальнее. Да как после этого себя можно художником считать, когда такая мудрость и такое искусство существуют в природе?!” И, указывая на кошек, добавляет: “Я вот их люблю”.

А я не тот. Я давно игру принял и не тороплю события, а вытягиваю подробности и тяну беседу, смакуя моралите. Тяну время, потому что долгий урок с трудным тестом закончился. И я сдал экзамен. И теперь каждая минута рассказа про паутинную историю для меня даже приятна: это ведь своего рода получение аттестата на зрелость. И очевидно, что, если мы еще поживем, я не раз приду с просьбой к Ивану Афанасьевичу рассказать мне содержание того замечательного фильма про паучью жизнь, забыв о том, что знаю теперь. Но теперь-то я знаю точно, что животный он любит больше.

Об авторе: Михаил Горлов – замечательный художник-график. Так что об искусстве своего героя судит вполне профессионально. В оформлении этого номера использованы его работы.